

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ПОСТМОДЕРН И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА КАК СУБЪЕКТА КУЛЬТУРЫ

А. Г. Инговатова
(Барнаул, Российская Федерация)

Данная статья посвящена экзистенциальному пониманию человека, а также основам его существования в условиях современной цивилизации. Принципы, доминирующие в современном, глобализирующемся обществе приобретают античеловеческую направленность, наносят ущерб подлинной сущности человека. В статье актуализируется значение конкретного экзистенциального опыта человека, который неизменно является носителем культурного сознания.

Ключевые слова: глобализация, информационное общество, неолиберальный капитализм, бытие человека, экзистенциализм, экзистенция

Предзаданность установки мышления на непрерывное осмысление реальности — фактическое условие вечной жизни философии, вечного рождения и самоутверждения философствующего субъекта, вопреки всем предостережениям аналитиков ситуации постмодерна в культуре. Мир неостановимо, не будем рисковать, утверждая — «движется вперед» — изменяется, предлагая всякий раз новую, неведомую доселе либо комбинацию характеристик, либо новое уникальное явление, акцент, несовместимые совместимости, гибридные и неоднозначные ситуации. Кажется не так давно, не более 30 лет назад, постмодернистская символика приятно ласкала слух философствующей публике специфической и непривычной лексикой, а сегодня о постмодернистской линии в философии повествует как о свершившемся факте любой более-менее приличный гуманитарный учебник. Мыслительный опыт сам подчиняется общему алгоритму закономерного обращения: что-либо в начале по-новому звучащее, почти парадоксально, становится приемлемым, затем принятым почти целиком и полностью, затем привычным, устоявшимся, и, наконец, традиционно-хрестоматийным опытом. И так вот неспешно вершится это круговращение во всех известных сферах человеческого самополагания, и за этим круговращением времен и событий, за нескончаемыми баталиями по поводу вопроса, как правильно и что неправильно (что лучше? что хуже?), человек упускает из виду наиважнейшее событие — со-бытие свое собственное,

что наряду и одновременно с миром в его целостности. Собственно бытие человека — наипервейший предмет, на который только и может быть направлена метафизическая установка. Итак, в основе рефлексивной направленности философии, ее первичным импульсом является «приятие» и признание реальности со-бытия меня и мира, а также приятие мира, в том его состоянии, которое констатирующим образом выпадает на время действительного присутствия человека в этом мире. За сутолокой повседневности как-то становится незаметен, с нашей точки зрения, самый значимый момент в понимании человека: не только уникальность факта его присутствия в мире, в контексте его бытия, но и уникальность каждого темпорально обозначенного опыта его существования, ибо в каждом «поперечном» временно-событийном срезе мы имеем дело с неповторимыми констелляциями обстоятельств жизни субъекта, его отношением, переживаниями и чувствами, с его и только его реакцией на феноменальные столкновения с миром, которые каждодневны, ежечасны, ежеминутны, но самое главное — они реальность. Огромной заслугой Карла Ясперса — одного из философов, стоящих у истоков экзистенциализма, заслугой всего опыта экзистенциального типа философствования явился акцент на значении философской рефлексии в прояснении безусловного смысла бытия личности, несмотря на привычную установку предметно-объективистского мировосприятия. «Экзистенциальная философия — это философия

бытия человека, которая вновь выходит за пределы человека» [1, с. 380]. Само по себе экзистенциальное «мышление не познает предметы, а проясняет и выявляет бытие в человеке, который так мыслит». Ясперс определяет это как ситуацию «самобытия». Что имеется в виду? — «Ситуация самобытия: Человек не может быть завершённым; для того, чтобы быть, он должен меняться во времени, подчиняясь все новой судьбе. Каждый из его образов с самого начала несет в себе, пребывая в созданном им мире, зародыш разрушения» [1, с. 387], но разрушения, отрицания только ради дальнейшего просветления тяги к трансцендентному, к трансцендентности. «Сегодня, — констатирует Ясперс в «Духовной ситуации времени», — когда возможности экстенсивного расширения существования неизмеримо возросли, стала ощущаться некая ограниченность, которая как будто уничтожает экзистенциальную возможность» [1, с. 411].

Естественно, большую роль в дальнейшем понимании угроз человеческому бытию сыграли упреждающие манифестации теоретиков постмодерна в лице Лиотара с его теорией метанаррации, Делеза с введением понятия произвольной сингулярности, Бодрийера с его открытой им симуляцией социальности и той же ризомы вновь Ж. Делеза и Ф. Гваттари, указывающие на неизбежность трансформации классического дискурса в эпоху глобальных изменений, приводящих к нарастанию логики «аффирмативной культуры» (множественность конкретного без выхода к единому корню, основе; лабиринт без выхода и входа) и соответствующего ей «одномерного» (Г. Маркузе) типа сознания. Философское мышление, ответственное за выполнение своих всякий раз конкретных исторических задач, актуализировало тот пласт вопросов, относительно природы мыслящего субъекта, который выступил в роли необходимой звучащей резонансно реакции западной философии на наступление эпохи тотального рационалистического настроения в мировосприятии и мироотношении. В феномене постмодерна, в его лице фактически случилось символическое отрицание тотальной теоретизации, систематизации и рационализации опыта существования человека, культуры, как его порождения, социального опыта в целом. Установка на только рационализацию бытия в мире порождает тягу к абсурдизации идеи реальности целого. Претензия на возможное тотальное рациональное объяснение целого (исключающее чувство целого, переживание цельности опыта, соучастия в

бытии) ведет к неизбежной тяге фрагментировать или «деконструировать», или взять и «выпукло» заявить в качестве базового и от правного элемента любой концепт, или аспект постчеловечески идеологизированной реальности: таковы «телесность» и «сингулярность» Вирилио, «соблазн» или «желание» Бодрийера и Лиотара, или в лучшем случае — «сеть аллюзий» — вот что в эпоху постмодерна начинает разъедать не только сферу художественного творчества, искусство и литературу, но и все значимые сферы социокультурного существования человека, эссенциальный смысл и назначение которых должен в необходимой, достаточной мере воспроизводиться в опыте культурной жизни.

Смогло ли наступление постиндустриального общества, ускоренные процессы внедрения техники и информационных технологий во все сферы социальной жизни произвести ту самую «деконструкцию» субъекта, сделав из него самого «симулякр» чистой воды?

Сегодня привычна негативная оценка воздействия информационного общества на сознание, интеллектуальное, и личностное становление человека. Информационное общество с его виртуализацией реальности и реальностью виртуального, действительно, — неоднозначный феномен. Тем не менее, и его контекст предполагает наличие и активность такого субъекта, который «способен» к точному и уместному цитированию, апелляциям к символам и знаковым определениям актуализируемых в повествовании и презентации смыслов в нынешнем контексте, только такой субъект способен понимать и ранжировать информацию по ее интеллектуальной, ценностной, духовной значимости в особом новом звучании современного мира.

Само появление стиля постмодернистского мышления с его «уходом» от однозначности постулируемых ценностей и четкости классических философских дефиниций и провозглашаемой релевантности и условности любых рефлексивных утверждений — это и есть не что иное, как реакция чувствующего мышления на изменяющееся состояние мира. Проще говоря: каковы тенденции в состояниях существующего мира, таков и адекватный ему тип отражающей и выражающей его философской модели. Исполняя свою, повторяюсь, историческую миссию, философы постмодерна словно показали, что, возможно, случится, если мир не осознает последствий своего более чем трехсотлетнего «дрейфа» в сторону распада базовых ментальных ценностных установок, что бывает, если полностью

устранить все аксиоматические точки опоры разума [2].

Не может и сегодняшний субъект в сегодняшнем глобальном мире при всей своей внешней безучастности внутренне смириться с исключительно компилятивной самопрезентацией себя самого в этом мире. Пробуждение сознающего разума и понимание «ненастоящести» самополагания — неизбежность. Энергия поиска выхода из этого состояния прямо пропорциональна глубине прозрения и понимания подлинной человеческой природы, сами пути выхода множественны, но отказать вовек, перечеркнуть, как никчемное или мешающее жить, свою тягу к подлинности, как и саму реальность существования здесь и теперь, человек, вне зависимости от времени и эпохи пребывания, вряд ли способен. Какими же, с нашей точки зрения, уникальными характеристиками обладает этот здешний, не без участия и выбора человека сложившийся, единый абрис сегодняшней общемировой цивилизационной картины?

Культурно-цивилизационный контекст и процесс глобализации, во всей ее многоаспектности и сложности, тем не менее неразрывны сегодня. Всего не более полувека назад трудно было представить себе до такой степени явленную беспрецедентную транспарентность границ, информационную близость и невидимую сопряженность географически отдаленных и никак не пересекающихся между собой территориально регионов. На сегодняшней карте мира сегодня все сложнее и сложнее представить себе страны и государства действительно, а не на бумаге «окрашенными» в самобытность своей культурно-психологической ментальности, особицу экономико-хозяйственных систем, уникальностью установок и стратегий политической аристократии. Во второй половине XX — начале XXI века достижения научно-технического прогресса послужили мощным импульсом к ускорению межкультурных и межкультурных отношений и связей, к процессу взаимного проникновения, без физического пересечения границ. В орбиту этой тенденции оказались втянутыми наравне с сильнейшими игроками на арене мировой политики страны, десятками лет олицетворявшие периферию общецивилизационного процесса, стоявшие в стороне от его тенденций. Глобализация экономических интересов и процессов, политических стратегий, размывание культурных и языковых границ — все вместе продвигает нас к ситуации, когда «чистый» культурный материал скоро совсем превратится в музейную редкость, экзотиче-

скую архаику. Смысловая и символическая мозаика (постмодерн в кино, литературе) может из феномена, который пока еще раздражает критическое зрячее око несовместимостью образов и почти комически звучащими аллюзиями, коробит слух диссонансом выражений, «нарезанных» из разных культурных эпох, через пару тройку десятилетий, когда новое поколение естественно вырастет, впитав только такой многоплановый и бессистемный мультикультурный винегрет социального опыта, его «тысячи поверхностей» или «плато», станет чем-то совершенно обычным и привычным, а сравнивать и соотносить будет не с чем, да и сможет ли оно, да и будет ли зачем? А еще через 30—50 лет такая установка сознания станет традиционным мировоззренческим кредо глобального человека, которому вовек и не будет нужна никакая основа для вящего самосознания, так как сознание будет презентовать свою активность сугубо «бихевиористически» в пределах нормированной обывательски заданной матрицы, сформированной потребителем и чувственно ориентированной современной цивилизацией.

Или, быть может, все-таки возобладает другой сценарий глобального развития, где судьба экзистенциальных возможностей человека выглядит более оптимистичной? Пример и разработку такого сценария глобализации приводит известный автор и теоретик отечественной глобалистики А.Н. Чумаков. Данный исследователь находит основания для оптимизма в целом, системном взгляде на глобализационные тенденции. При таком взгляде, несмотря на всю сложность и неоднозначность возможных оценок процесса глобализации, тем не менее, в нем самом выявляются весьма определенные очаги цивилизационного движения и попытки унифицировать мировую культуру на основе линейно-плоскостной — как считает автор, — модели понимания истории и социального процесса, вряд ли можно считать адекватными и соответствующими реальным процессам. Автор, безусловно, высказывает очень продуктивную идею, состоящую в необходимости распределения и разделения аспектов глобализации: с одной стороны — это, действительно, процесс, который является воплощением «вечной тяги» к культурному единству (а не однородности, заметьте), к всечеловечности, вселенскому единому человеку (как в метафизике добра у В.С. Соловьева). Данная тенденция — это логическая и в чем-то естественная характеристика развития культуры и цивилизации; с другой стороны, в контексте

современных глобализационных тенденций (скажем, в такой очевидной сегодняшней практике, как распространение и вживание в сознание государственных элит логики мышления в духе неолиберального капитализма, с его приоритетной задачей возрастания цифры «сиюминутных», в противовес долговременным, доходов в основном спекулятивного характера) — видна постоянно идущая борьба и противостояние разных подходов к пониманию общества и экономики, за которыми продолжает стоять и незримо проявлять себя исторический и культурный субъект, сам опыт народа, специфика его исторического выбора, ценностные предпочтения и особый склад его души и характера, сформированные многовековыми традициями. Так оказалось, что и сегодня, всем понятного языка экономической эффективности оказывается недостаточно, чтобы запустить процесс долговременного и взаимовыгодного сотрудничества, характер отношений в отдельных случаях все-таки продолжает быть ценностно и культурно-исторически обусловленным. Данный фактор, конечно же, идет вразрез и не согласуется с установками современного неолиберального капитализма, который фактически представляет собой новую форму идеологической монополии, экономического и политического латентного неокOLONIALИЗМА.

При осуществлении такой модели глобализации цинично игнорируется и девальвируется как человеческая, так и народная культурно-историческая память, лежащая в основе самоуважения и субъектного позиционирования как отдельного человека, так и народа в целом. Отсюда учащающийся опыт «переписывания» истории, глумление над святынями народной памяти.

При альтернативном подходе у человека в его экзистенциальном опыте появляется возможность личностного возрастания до осознания благих, выраженных и в практике общегосударственного единого народного бытия метафизических смыслов и ориентиров. Есть поле социокультурной практики, дающее человеку возможность трансцендирования, наделения высшим смыслом собственного бытия. При неолиберальном проекте глобализации (цифры возможных доходов от акций, продажи ценных бумаг, банковского оборота оказывают просто магическое воздействие), реально существующий человек неo Ното Есопотікус становится заложником навязанных ему извне установок на самообогащение за счет интересов родного государства при ослаблении внутреннего чув-

ства причастности к цельному опыту народа по достижению более благого состояния общества в целом.

Кроме того, самоощущениям человека рубежа XX—XXI века не позавидуешь не только на основании вышеизложенного противоречия, окружающая его действительность сегодня неутешительна, несмотря на обилие средств, обеспечивающих жизненный комфорт человека, о котором еще в середине прошлого века не могли и мечтать. В отличие от своих предков, современный человек несет в себе уже около полувека предощущение глобальной катастрофы. Что может быть тяжелее ноши понимания и осознания реальности рукотворной катастрофы глобального масштаба? «В XXI веке гонка вооружений продолжается, а опасность развязывания III мировой войны сильна как никогда»; «Целью становится не уничтожение войск противника, сколько инфраструктуры государства целиком, включая объекты жизнеобеспечения на его территории. Государство с его институтами просто перестает существовать» [3, с. 111]. При этом ориентация правительств современных сильных государств на «бесконтактные войны» — это уже в принципе привычная установка, ставшая характеристикой сознания не только военных и политических элит, но и современного человека. «Все течет, все меняется...» — меняется и характер ведения войны, но не нужно забывать, что и видение и понимание допустимого и недопустимого выбора меняется тоже, а раз так, то уже изменился сам человек. Тенденция в формировании приемлемой для мира, для сосуществования в нем различных государств и народов разумной установки, имеющей общечеловеческое значение, как никогда сегодня важна. Пушки начинают говорить, когда люди не смогли договориться о главном. Если мы потеряем человека, способного к диалогу с другим, иным, непохожим человеком, это будет свидетельством удаления, раскадровки цельности человеческого бытия. Денационализация экономик, распад национальных государств, как действенных и функционирующих структур организации реальных процессов человеческой жизни, действительно может привести к полному стиранию ориентации сознания человека на однозначные фундаментальные ценностные устои, лежащие в основе всякой разумной активности. Картина объективной реальности в сознании человека будет напоминать удаляемый цифровой снимок, а сам человек вместо стройного осмысленного космоса в душе понесет смысловой и мировоззренче-

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ПОСТМОДЕРН И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА КАК СУБЪЕКТА КУЛЬТУРЫ

ский хаос. Но, заметим при этом, такой человек, не видящий целостной картины бытия, с ограниченным диапазоном сознательных установок, не перестает быть реально существующим социальным субъектом, актором социального действия и инициативы. Он пробивается в высшие эшелоны власти (прекрасный пример — новоизбранный руководитель, на минутку, старейшего европейского государства с глубокими культурными традициями — Франции, заявивший о том, что никаких французов нет), он принимается за решение задач в огромных человекообразных системах, принимает политические решения, или входит в операционную, в студенческую аудиторию, просто ведет самолет или поезд, или становится пастором и блюстителем человеческих душ. От устранения целостного бытийственного горизонта мышления субъекта страдает не только сама человеческая ментальность и его сознание, но и бытие как таковое. Для нас ценна не только спасительная и своевременная заслуга экзистенциальной линии в философии, но серьезный обнадеживающий аргумент ее подлинной «философской веры» (К. Ясперс) в то, что мир действительно может быть спасен понятой всеми необходимостью нацеленности на благой, значит истинный, смысл, что человек и в новых условиях существования сможет пробиться сквозь стесняющую его сущность поступь времени и обстоятельств (они одинаково удушающи, в любой точке планеты, независимо от формы государственного правле-

ния) и в экзистенциальном озарении проймает его ощущение, что в нем самом сосредоточен весь многоликий исторический человек, что в нем — весь макрокосм человеческой культуры и ее достижений, а также то, что его собственные внутренние силы все же помогут ему выйти из состояния потерянности и самоутраты, позволят восстановить целостность духовного самоощущения и выстоять в борьбе со всем антигуманным и враждебным, со всем, что не принимает во внимание явленное чудо его, человека, реальности. Дорога к дому тяжела, но дом есть дом — туда необходимо вернуться, туда все равно возвращаются.

Список литературы

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.
2. Кутырев В.А. Философия постмодернизма. — Нижний Новгород, 2006. — 93 с.
3. Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. — М.: Проспект, 2017. — 496 с.
4. Кондрашин И.И. Глобальные проблемы современности // Вестник Российского философского общества. — 2016 г. — № 2. — С. 110—115.

Инговатова Аурика Германовна, кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова» (Барнаул); auriking@mail.ru.

GLOBALIZATION, POSTMODERN AND TRANSFORMATION OF THE EXISTENTIAL HUMAN EXPERIENCE AS A SUBJECT OF CULTURE

Aurika G. Ingovatova
(Barnaul, the Russian Federation)

This article is devoted to the existential understanding of a man, as well as the foundations of his existence in the conditions of modern civilization. The principles dominated in modern, global society acquire an anti-human orientation, they damage the true essence of a man. The article actualizes the significance of the concrete existential experience of a man, the bearer of cultural consciousness.

Key words: globalization, information society, neoliberal capitalism, human existence, existentialism, existence